

ОСЛЕДНЕЕ время я играл в театре, во МХАТе имени Чехова, только одну роль — в спектакле

«Трагики и комедианты». Меня даже стали спрашивать, не собираюсь ли я вообще уйти из театра, сосредоточиться на работе в кино, на телевидении. Но я не мыслю себя без того, чтобы не выходить на сцену. Несмотря на успех в кино, я считаю, что моя профессия — именно театральный актер. И мой уход из штата Художественного театра совсем не означал, что я расстаюсь с театром вообще.

Почему я ушел — отдельный долгий разговор. Но если коротко сформулировать: актер не имеет права, стоя на сцене, злиться. А я, играя, к примеру, в «Тартюфе», чувствовал, что начинаю злиться, нервничать. Многочисленные поспешные, халтурные — иногда за два-три часа до начала спектакля — вводы совершенно разрушили атмосферу, которую когда-то долго и тщательно выстраивал Анатолий Васильевич Эфрос. На сцене исчез контакт между персонажами. Актеры, в общем-то, не виноваты, но смотреть на это было невыносимо. Участвовать — тоже.

А летом прошлого года у Сергея Юрского возникла идея поставить «Игроков» Гоголя, и он пригласил меня на роль Утешительного. Мне никогда раньше не доводилось работать с ним как с режиссером, но всегда очень этого хотелось. В нем виделась какая-то генетическая связь с Товстоноговым, Эфросом, Швейцером — людьми, которые мне бесконечно интересны. Теперь понимаю, что не зря хотелось. Я работал за рубежом и могу сказать: Юрский — режиссер западного типа.

Другие определяют это понятие иначе, а для меня оно означает соответствие трем условиям. Первое —

Александр КАЛЯГИН:

Вечный сюжет

доскональное знание материала, литературное и театральное, проникновение в стиль автора. Второе — точное осознание режиссером своих целей, ясное понимание того, ради чего все это делается, и, соответственно, умение направить каждого актера по предназначенному для него руслу. И, наконец, третье, самое для меня важное. Юрский оставляет в спектакле актерам те пустоты, которые должны заполнять они, и только они, — актеры. Я знаю, что есть пространство, в котором именно я полноправный хозяин и обязан заполнить его по своему усмотрению — своими импровизациями, или умениями, или эмоциями, душой, интеллектом, тренированностью, — одним словом, своей личностью. Режиссер как бы допускает большой люфт, не довинчивает гайки до упора, оставляя актеру несколько степеней свободы.

Любой режиссер мне скажет: я тоже так работаю. Ничего подобного. Только большой мастер точно знает, когда нельзя довинчивать.

на репетициях «Игроков» я лишь один раз убедился в одной простой истине: когда вместе собираются талантливые люди (даже из разных театров), оказывается, что нет места пустым амбициям, закулисным интригам, перешептываниям, нет места всей этой возне, удушающей творчество. Говорят, что нет театра без интриг. Это пошлая фраза, но, увы, во многом верная. А здесь, на этих репетициях, уходит вся пена, вся шелуха, потому что люди занимаются делом, пытаются услышать друг друга, поддерживать, подсказывать... Это странно прозвучит, но именно здесь, на «Игроках», я на себе почувствовал приближение к той мхатовской легенде, которую не ус-

пел увидеть и не успел до конца постигнуть, — к актерскому ансамблю. Когда много хороших актеров говорят на одном художественном языке.

Найти этот язык мучительно трудно. Конечно, несмотря на наш опыт, мы все равно боимся, не знаем, что получится, и в знаменателе каждый держит того своего критика, который придет и скажет: «Ну что же вы, ребята, так слабы?» Может быть, так и случится. Но от работы мы получаем наслаждение. И когда возникают разговоры, что подобный — «антрепризный» — способ формирования актерских трупп разрушает идею театра-дома, я согласиться не могу.

Конечно, еще очень важно, для работы над каким материалом объединяются люди. Я ведь уже однажды играл в этой пьесе. «Игроков» ставил на телевидении Роман Виктюк, очень удачная была постановка. У меня была роль Ихарева, а Утешительного прекрасно играл Валентин Гафт. Поэтому сейчас мне очень интересно пройти эту пьесу еще раз, но в другой роли. Что это за человек такой — Утешительный, сейчас еще не возьмусь точно определить. Пока я только пытаюсь нащупывать этот характер. Интересно, как можно врать, обманывать и при этом быть полностью искренним, простодушным. Можно даже заплакать от своей искренности и в какую-то секунду настолько проникнуться собственной ложью, что начать самому в нее верить. В этот момент открываются необятные человеческие глубины, чувствуешь, что выходишь просто в космос. А потом оказывается, что все, ну все — вранье. И всего-то цель была — провести, надуть, облапошить, найти у другого большое место и уцепиться.

Как же зрителю иногда хочется ясности! Нет, ну все-таки — ну врет он или не врет? Хочется определенности: вот если вышел актер в синем, то пусть так до конца и остается. Но ставят иначе свет — и ты уже в темно-зеленом, а если в контражур войдешь, так и вовсе окажешься тенью. До самого конца спектакля нельзя давать понять зрителю, что это была команда, банда, которая мечтает обчистить Ихарева. Должно быть ощущение, как после обморока: не помню, почему и когда потерял сознание. Чтобы зрителю хотелось воскликнуть: «Когда ж они его надули-то? Ну-ка прокрутите обратно, я хочу засечь, когда они его успели обвести вокруг пальца». И если зритель поймается так же, как и Ихарев, будет удача.

Этот обман, надувательство — вечный российский сюжет. Никакой исторический опыт ничего в человеческой природе не меняет. И дело не в том, — коммунистический режим на дворе или некоммунистический. Тут другое. Люди рождаются слепыми и до конца остаются слепы. Дай Бог за всю жизнь испытать хоть несколько минут прозрения. Читаю Гоголя и понимаю — ничего не меняется. Ни-че-го. Это самое главное. Человек со своим нутром остается прежним. Что ж за надувательская эта земля — говорит Гоголь...

Записал
Р. ДОЛЖАНСКИЙ